

НАЗАВТРА УМЕРЛА МАМА

НИКОЛАЙ МИЛОВ
Родился в 1992 году в Саратове. Окончил Пензенский государственный университет. Пишет рассказы в направлении «реализм». Участник писательского сообщества «Будь автором».

Плохой день, 16 сентября

Андрею снилось лето. Яркие сочные цвета; неясные, ускользающие образы не то детства, не то юности; первая любовь, студенческая любовь, жена. Образы сменялись быстрой чередой, и он нежился в них и был счастлив.

Неожиданно, как хлопок петарды, во сне появился таракан. Противный, мелкий, суеятящийся – Андрея одолела брезгливость. «Хорошо, что не африканский», – подумал Андрей и будто сглазил. Обыкновенный рыжий таракан превратился в большое иностранное чудище, которое Андрей видел только в кино да на выставках экзотики. Таракан стал удлиняться, превращаясь в мерзкую огромную гусеницу с тысячей мельтешащих ножек.

Андрей проснулся. Сонная нега еще не совсем сошла, несмотря на все старания тараканьего монстра, поэтому Андрей не спешил открывать глаза.

В комнате шуршала вещами Лика, жена.

У нее снова было дежурство, и она снова проспала. Такие дни начинались с топота до туалета и обратно (удивительно, как такие изящные ножки могли издавать такой грохот?), нарочито неудачных попыток не шуметь посудой, выразительного шепота ругательств. А потом, когда Андрей просыпался, она выясняла у него, где оставила свой телефон/ключи/пропуск. Андрей быстро на-

ходил потерянное, будто это и правда он их прятал накануне.

Сегодня Андрей не хотел быть ищейкой. Он замер, чтобы надувной матрац под ним предательски не скрипнул.

В эту секунду у Андрея заболел зуб. Недолеченная «семерка» будто взорвалась, и Андрей невольно застонал, заворочался.

– Проснулся? – спросила Лика. – Тогда закрой за мной.

Потирая щеку, вырываясь из теплого одеяла в холодную комнату, Андрей встал проводить жену. Лика натянула, не завязывая шнурки, кроссовки, набросила куртку и, не прощаясь, выбежала из квартиры.

Андрей закрыл дверной замок и, вернувшись в комнату, с тоскою оглядел неубранную кровать, разбросанные вещи.

На кухне Андрей помыл за женой посуду, заварил себе чай и обнаружил, что, кроме пары куриных яиц, в холодильнике ничего нет (если не обращать внимание на три бутылки неприкосновенного Ликиного биоогурта).

Андрей позавтракал яичницей, убрал кровать жены и свой матрац и понял, что сам опаздывает.

Опаздывал не только Андрей, но и автобус. Уже стоя на остановке, Андрей обновлял каждые десять секунд приложение на телефоне, где над-

пись обнадеживала: «Автобус приедет через 1 минуту». Минута затягивалась, а в голове Андрея от напряжения зашелкал метроном. «Тик-цок, тик-цок, тик-цок», – отсчитывал он секунды. Начало рабочего дня неотвратно приближалось, в отличие от проклятого автобуса.

В какой-то момент Андрей почувствовал: чего-то не хватает. Утро идет как будто не так, как обычно. Но метроном в голове не давал сосредоточиться. Наконец из-за поворота вылез автобус. Толпа уставших пассажиров внесла Андрея внутрь. Прижавшись к еще холодному окну, под привычные пассажирские запахи пота, перегара и начинающейся простуды, Андрей внезапно почувствовал – метроном замолк, и пришло осознание, что сегодня ничего не писала мама. Именно это выбивалось из обыкновенного ежедневного распорядка.

Продираясь сквозь человеческие тела, Андрей поднес к лицу телефон. Каждое утро, примерно в тот момент, когда Андрей садился завтракать, в телефоне загоралось уведомление. Мама никогда не писала приветствий, никогда не прощалась, беседы в соцсетях и мессенджерах напоминали диалог без начала и конца. Хотя, как про себя с ухмылкой иногда замечал Андрей, это был скорее монолог. Андрей отвечал редко: мама высказывалась о политике, ругая проклятых капиталистов и выслеживая происки Запада во всех бедах страны, жаловалась на соседей, писала гадости про Лику.

«Действительно, последний раз писала вчера», – подумал Андрей, и где-то в груди появилось удушающее беспокойство. Ему сразу вспомнилась вчерашняя ссора. «Технически это не ссоры, – обычно говорил Андрей. – Это вечная проблема с установлением личных границ». В компании друзей он еще добавлял пару плоских шуток про Фрейда.

«Обиделась, – подумал Андрей. – Резковат был. Извиниться? Нет уж, дудки... Каждый раз так! Пусть подумает, в конце концов, у меня тоже гордость есть».

Тем не менее беспокойство не ушло. Едва только набитый автобус выплюнул Андрея на остановку, он стал звонить.

- Алло, Варвара Васильевна! Добрый день! Слышно? Это Андрей. Сын Марфы Николаевны.
- Ах, Андрей. Хорошо, что вы позвонили. Я, в общем-то, сегодня тоже хотела вас набрать. Дело в том, что я через неделю переезжаю, поэтому не смогу больше сидеть с вашей матерью.
- Как переезжаете?! Куда?

– Куда? Неважно, в другой город. Так что рассчитайте меня, пожалуйста.

– Подождите, а... а почему вы мне раньше не скажали? Мне же нужно вам замену найти.

– Замену? Да найдете замену. Неделя же целая еще. Но вы поторопитесь только.

– А... а как мама?

– Да в порядке ваша мама. Похулиганила немного сегодня ночью. С кровати упала. Озорничала. Но все цело, все хорошо. Не беспокойтесь. Здоровью вашей мамы еще позавидовать можно!

«Варька-шаболда», – так всегда за глаза называла сиделку мать Андрея.

«Где же мне теперь искать хорошую сиделку?» Андрей перебирал в голове знакомых, кто мог бы как-то с этим помочь.

«И ведь дороже будут брать! Варька хотя бы брала мало. А теперь дополнительные траты. Как же это все не вовремя! Ну по крайней мере, вроде бы все у мамы в порядке, – подумал Андрей. – По-любому что-то из-за вчерашнего разговора отчебучила. Внимание мое хочет привлечь. На жалость давит. Позвонить? Если позвоню – значит, проиграл. Значит, поддался на ее выходки. Ну уж нет».

Телефон в руках зазвонил – кто-то с работы.

«Черт возьми, zaseкли опоздание, – подумал Андрей. – Извините, я в туалете... нет, я выходил... я в здании был, не услышал вызов... А если спросили про меня у охраны? Хотя нет, кто будет спрашивать у охраны. А если у коллег? Кто-то сдал? Ладно, будем крутиться, смотреть на месте». Андрей нажал на блок-кнопку телефона и, краснея, спрятал его в карман.

Оставшиеся триста метров до рабочего корпуса он мчался. Пробежав мимо охранника, Андрей неосознанно согнулся и на цыпочках, как вор, стал подниматься на свой этаж. Он прислушивался к голосам, пытаясь догадаться, кто это и стоит ли с ним сейчас встретиться.

Наконец Андрей ворвался в душный, вечно озаженный огнями белого света родной опен-спейс. Прокравшись к своему месту, Андрей с облегчением плюхнулся на стул. Можно выдохнуть – вроде не заметили.

– О, Андрей, привет! Тебя начальник искал, – радостно возвестил проходивший мимо коллега.

«Не слышал звонка... Был в переговорке – с клиентом разговаривал... Отходил», – снова перебирал оправдания Андрей, подходя к кабинету начальника. Вздохнув, он постучал и вошел.

– О, Андрей, привет! Заходи, – улыбаясь, сказал начальник.

Андрей замешкался. «Почему он улыбается? Это ехидство? Ирония? Или он просто рад меня видеть?»

– Андрей, сегодня в час будем проводить совещание с Тюменью по поводу проекта. Подготовь материалы и нашу позицию по вопросу.

– Хорошо, а что за проект?

– Ну этот, ну ты же знаешь, тюменский, директор на той неделе летал, обсуждал.

– Да, я знаю, что летал. Но нюансов не знаю.

– Слушай, ну разберись с этим сам как-нибудь. Юристы должны быть в курсе. И секретарь готовила записку какую-то.

Андрей пошел к кабинету директора, который обычно стерегла веснушчатый курносый цербером секретарша Светлана. Сейчас Андрей застал Светлану в верхней одежде, не сразу поняв, тоже опоздала она или собирается уходить.

– Свет, я на минутку буквально, шеф летал же на прошлой неделе в Тюмень? Ты делала записку? Такую, как ты обычно готовишь?

– Записку? Какую записку? А, ну да, то есть нет, еще не успела. Андрей, я тороплюсь.

– Слушай, секунду прям задержись, что там за проект-то? Что решили?

– Проект? Мм, проект-проект-проект... А, ну да, там до какого-то числа нужно совещание провести, нашу позицию представить.

– А позицию по чему, Свет?!

Света махнула рукой и, сказав что-то невнятное, побежала по коридору. Расследование неожиданно осложнилось, и первого свидетеля Андрей потерял.

По пути к следующему свидетелю Андрей столкнулся с Чаплевым, грузным усатым начальником отдела стратегических инициатив. Он обычно прижимал подбородок к груди, на всех смотрел исподлобья, а при движении держался поближе к стене, за что среди некоторых коллег получил прозвище Поползень. Хотя Андрею он больше напоминал какого-то жука. Поползень избегал общения с сотрудниками, но, увидев Андрея, вышел в середину коридора, перегородил пути к отступлению и громко сказал:

– Андрей, вы почему вчера раньше с работы ушли?

От неожиданности Андрей растерялся.

– Раньше? Я не уходил раньше

– Я вам вчера замечания отправил. По презентации. Без десяти семь! Вы мне ничего не ответили.

– Значит, я не увидел письма.

– Андрей, если вы хотите работать... продолжать работать в нашей компании, вы должны соблюдать график! Строго соблюдать график работы.

– Но я соблюдаю... – начал было возмущаться Андрей, но, вспомнив о сегодняшнем опоздании, сконфузился и попытался сменить тему. – А что за замечания?

– Вы там черте-то что навертели! В презентации! Переделывать будете! Сегодня! Я все написал. В письме.

Не дожидаясь ответа, Чаплев снова прилип к стене и ушел.

Юристам в компании полагался отдельный просторный кабинет. Здесь всегда было мрачно, и только горящие настольные лампы яркими световыми конусами выделяли столы хозяев. Музыка кабинета обычно состояла из мерного постукивания клавиш, причмокивания губ о кружки с чаем да из шелеста бумаг.

Как только в кабинет вошел Андрей, в него уставились шесть пар зловеще сияющих глаз.

– Коллеги, добрый день. Меня зовут Андрей, отдел развития. Я вот по какому вопросу. Директор на той неделе в Тюмень летал по проекту. Вы не знаете, что за проект?

– Тюмень? Нет, про Тюмень ничего не слышали.

– Мой начальник сказал, что вы что-то знаете. У вас там материалы, может, какие есть?

– Слушай, Андрей. Мы материалы по проектам не готовим. Во всяком случае, не на начальном этапе. Договоры или эн-ди-эй – это не вопрос. Проанализировать чужие материалы – не вопрос. Промониторить риски – тоже не вопрос. Но сами материалы не готовим.

– Черт, и у кого же мне узнать? Мне до часу нужно какую-то позицию сформировать.

– Может, в бухгалтерии?

– Да откуда бухгалтерии знать. Если уж вы не знаете.

– Слушай, друг, ничем не можем помочь. Попробуй к продавцам дойти. Это вроде их тема – проекты прорабатывать.

Расследование снова зашло в тупик. Но по крайней мере в деле появился новый свидетель, а может быть, даже и подозреваемый. Андрей стыдил себя, что сам не подумал про отдел продаж.

Продавчики обитали в опен-спейсе по соседству с отделом Андрея. Здесь всегда было шумно, постоянно звенел телефон, кто-то с кем-то говорил, кто-то на кого-то кричал. Звон, стук, шорох, визг, писк.

На появление Андрея никто не обратил внимания. Пытаясь прорваться сквозь шум, он громко поздоровался. И словно ответом, Андрея снова пронзила зубная боль. Андрей схватился за щеку и обратился к ближайшему продавнику.

- Простите, вы не знаете, кто занимается Тюменью?
- Нет...
- Не было такого, – подтвердил второй продажник.
- Сань, ты про тюменский проект что-нибудь слышал?
- Я Тюменью не занимаюсь, мне своих дел хватает!
- А кто занимается? Человек спрашивает.
- А мне почему знать?
- О! Зиночка может знать. Она же для директора какую-то справку на той неделе готовила.
- Точно-точно. Она что-то копалась...
- А где мне ее найти? – с надеждой спросил Андрей.
- Она отъехала, там что-то по личному. Но к часу должна вернуться, у нее вроде совещание какое-то.

Круг замкнулся. Подозреваемый определен, но ни полиция, ни Интерпол не смогут его найти до часу. И телефон искомой Зиночки не отвечал ни на звонки Андрея, ни на звонки коллег по отделу.

В такие моменты Андрей часто представлял, что именно это станет последней ошибкой, после которой его непременно уволят. В голове неизменно проносились сцены выселения из дома, скитания по ночлежкам, бомжевания и смерти в подворотне.

- Игорь Палыч, у меня не получается найти концы по Тюмени. Никто ничего не может толком сказать. Вроде как Зина у продавников что-то готовила по этому поводу, но она отпросилась.

Андрей ждал выговора. Но начальник был в хорошем настроении и как-то растерянно выслушал его объяснения.

- Ты по поводу совещания, что ли?
- Ну да, в час которое.
- А-а, так его отменили.
- Как отменили?
- Ну да, перенесли на следующую неделю. Ты там тогда с этой Зиной переговори, совместно там подготовьте что-нибудь. А, и тебя там Чаплев искал. У него что-то какие-то нестыковки по презентации, которую ты готовил. Вы там разберитесь, вопросы все закройте.

«После обеда», – подумал Андрей. Ни Чаплев, ни его презентация не умрут, если Андрей позвонит на час позже.

Андрей не знал наверняка, что чувствует странник в пустыне, приближаясь к оазису, но думал, что что-то подобное чувствует любой офисный работник с приближением обеденного часа.

Андрей бодро добежал до ближайшего кафе. Там он некоторое время искал компромисс между голодом и жадностью. Наконец он торжественно сел за стол перед тарелкой пюре с бифштексом, нарочито медленно взял нож и вилку, отрезал кусочек мяса и положил себе в рот. Больная «семерка» возмущенно запротестовала, и Андрей чуть не подавился.

Хотя Андрей пытался жевать здоровой половиной рта, страдания не прекращались всю трапезу. Поэтому на работу он вернулся вдвойне утомленным.

А на работе его ждали недовольный Чаплев и правки в презентацию.

Поползень похлопал Андрея по плечу и сказал: – Сегодня вы домой не уйдете. Пока не закончите.

Вечер становился густым и вязким. Андрей заходил к Чаплеву, Чаплев подходил к Андрею. Офис пустел. За окном темнело. Мысли путались.

В какой-то момент Андрей поймал себя на том, что уже минут пять смотрит в экран, ничего не делая. С мыслью отвлечься Андрей достал телефон и обнаружил там пять пропущенных от жены. В горле появился ком, лоб потяжелел. «Что же случилось?»

- Алло, Лика, ты звонила?
- Да, ты где?
- Я на работе. Задержался немного.
- Ты скоро? Я забыла ключи.
- А ты сегодня не дежуришь?
- Нет, отменили. Поторопись, жду.

Повесила трубку. «Поторопиться! Куда? Как мне разорваться? Что делать с Чаплевым?»

В сомнениях Андрей пошел к Поползню.

- Я не могу сделать слайд так, как вы хотите. У меня просто нет данных.
- Как нет данных? Что это значит? – возмущился Чаплев.
- Это не мой проект, я о нем ничего не знаю.
- А кто его ведет?
- Я не знаю! Вы сами меня просили его добавить. Все, что сказали, я внес.
- Я сейчас выясню.

Чаплев стал звонить по телефону. У Андрея в голове снова возник знакомый метроном. Тик-

цок, тик-цок, Лика ждет, тик-цок, тик-цок, замерзает, тик-цок, тик-цок.

- Простите, я пойду, – неожиданно для себя и для Чаплева сказал Андрей.
- Что значит пойдете? – возмутился Поползень. Он раскинул руки – не то в удивлении, не то пытаясь перегородить выход.
- Уже десятый час. Я не думаю, что кто-то сейчас вам даст информацию.
- Вам нельзя уходить. Это ваши ошибки. Вы должны их исправить!
- Я все сделал правильно. Если вы не можете нормально сформулировать задание, это не моя проблема. Извините, я пойду. У меня жена там на улице мерзнет.

В первые секунды Андрей чувствовал себя боксером, выигравшим тяжелый бой. Он вылетел из корпуса, надевая пальто на ходу, и даже не сразу понял, что на улице совсем темно. Внезапно пошел дождь, который смыл с Андрея радость нечаянно возникшей смелости.

«Доложит. Чаплев непременно на меня завтра доложит! Что же будет? Уволят? Нет, давай начистоту, вряд ли уволят. Выговор? Может быть. Лишат премии? Черт возьми, черт возьми, черт возьми... Что же я наделал? Этот козел давно на меня зуб точит. Я виноват? Нет. Что он может предьявить? Ушел раньше? Раньше чего? Я задержался на несколько часов безо всяких доплат. Ошибки в презентации? Да не было там ошибок! Сам же мне дал неправильные данные! Так. Да, так и скажу, если будет разборка. А будет ли? Будут ли вообще спрашивать мое мнение? Но начальник-то спросит. Всегда спрашивал. Я тогда все объясню. Думаю, он защитит меня. Всегда защищал...»

Андрей промок насквозь, еще не успев дойти до остановки. Ему хотелось свернуться в клубок и спрятаться в каком-нибудь теплом темном уголке. Ему вдруг очень захотелось позвонить матери.

«Поздно уже. Разбужу. Опять будет хулиганить ночью. Завтра позвоню». Потом он снова вспомнил, что нужно искать сиделку. Мысли о новых тратах, о риске потерять премию, об обвинениях и оправданиях, о зубе, жене, работе закрутились, как в центрифуге. Андрей не заметил, как задремал, и чуть не проехал свою остановку.

Лика ждала мужа под фонарем у подъезда.

- «Давно ждешь?» – не спросил Андрей, встретившись с ней взглядом.
- Прости, – пробормотал он. – Замерзла?

– А ты как думаешь?

Они зашли домой, Лика убежала греться в душ. А Андрей вяло сел на стул и включил музыку на умной колонке. Заиграл мотив песни из какого-то старого фильма, показавшийся Андрею ужасно знакомым. Он чувствовал, что еще немного – и он вспомнит слова.

– Выключи, голова и так ужасно болит, – сказала вышедшая из ванной Лика.

Андрей подчинился, затем направился в ванную. Там он долго смотрел на свое изможденное лицо, пытался разглядеть большую «семерку».

«Господи! Что за дурацкий день был? Нелепый, бестолковый, отвратительный. Как хорошо, что он закончился. За что мне все это? К чему? Почему все, буквально все сегодня шло через... все шло плохо! Что я делал не так? Ну, скажите!»

«И не надо зря портить нервы! – неожиданно всплыли в голове слова из той песни. – Вроде зебры жизнь, вроде зебры! Черный цвет, а затем будет белый цвет – вот и весь секрет»

«Черт возьми! Вот это да! – удивился Андрей, поверив, что с ним заговорила вселенная. – А ведь и правда! Это всего лишь полоса! Чертова полосатая жизнь! Просто нужно отдохнуть. Завтра будет лучше. Помирюсь с матерью, поговорю с ней насчет новой сиделки. Закончу этот чертов проект на работе и, может быть, даже попрошу отпуск. Да! Отпуск, отдых сейчас нужен как никогда. Чаплев? Да черт с ним. Ничего он мне не сделает. Я выдержу. Просто сейчас слишком много всего навалилось. Но я выкарабкаюсь. Выдержу. Я – сильный! И надо записаться к стоматологу».

Мысли об отпуске медовым бальзамом растеклись по всему телу. И даже зуб перестал болеть.

«И как знать, может быть, даже Лика...» Андрей зажмурился и не закончил мысль.

«Черный цвет, а затем будет белый цвет, вот и весь секрет, – мурлыкая себе под нос, засыпал Андрей. – Завтра будет лучше».

